

*Посвящается Джо.
Моему лучшему другу,
моей родственной душе.*

Мое тело пожирает себя.

Я не в силах это остановить.

Оно слишком ослабло, чтобы двигаться. Мышцы расщепились на аминокислоты, необходимые для выживания. Суставы напряжены и болят, потому что их нечем больше смазать. Ноги и руки жалят иголки и булавки, кровеносные сосуды под кожей сжимаются, чтобы защитить основные органы. Шатаются зубы, иссыхают десны.

Конец близок. Я чувствую это.

Дыхание стало частым и неровным. У меня кружится голова. Впервые за несколько дней мне хочется уснуть. И никогда не просыпаться.

Я уже не чувствую злости.

Сперва она была. Мне хотелось кричать все громче и громче о несправедливости всего этого. Человек с глазами акулы отобрал у меня все.

Сейчас я смиряюсь.

Майкл Крэйвен

В конце концов, это моя вина. Мое желание продемонстрировать находку — вот что меня сюда привело.

Мне нужно было понимать, что его это не волнует. Ему неинтересно мое открытие. Его заботит совсем другое.

Так что я лягу и подремлю. Минутку.

Или, может быть, чуть дольше...

Глава первая

На юге Франции живет певчая птичка под названием ортоланская овсянка. Совсем небольшая, сантиметров шестнадцать, и весит граммов двадцать пять. Головка у нее серая, горлышко бледно-желтое, а оперение восхитительного оранжевого цвета. У нее небольшой розовый клюв и блестящие глазки, похожие на горошинки перца. Ее отрывистый щебет нельзя слушать без улыбки.

Очень хорошенькая птичка.

Большинству людей при виде ортоланской овсянки хочется сделать ее своей домашней любимцей.

Но не всем.

Некоторые люди не ценят ее красоты. Некоторые люди ценят кое-что совсем другое.

Еще один примечательный факт об ортоланской овсянке заключается в том, что она — основной ингредиент самого садистского блюда в мире. Блюдо,

ради которого крошечных певчих птиц не просто убивают, но и подвергают пыткам...

Шеф-повар купила их два месяца назад. Невозможно стрелять по ортоланам, не уничтожив их, так что она заплатила человеку, который их поймал. По сто евро за каждую. Высокая цена, но если бы охотник попался, штраф был бы намного выше.

Потом шеф-повар забрала их домой и поступила с ними, как повара Древнего Рима: для начала выколола им глаза. Для двух ортоланов наступила вечная ночь.

А по ночам они едят.

Месяц их откармливали просом, виноградом и инжиром. Их вес увеличился в четыре раза. Теперь их можно было есть.

Блюдо, достойное короля. Или старого друга.

Когда поступил вызов, она сама перевезла их через Ла-Манш. Высадилась в Дувре и всю ночь ехала в ресторан в Камбрии под названием «Слива и терн».

Трудно было представить людей более непохожих, чем два ее гостя.

Один мужчина был в красивом костюме в восточном стиле и накрахмаленной белой рубашке с запонками из чистого золота. Вид у него был культурный и непринужденный, он приветливо улыбался и превосходно выглядел бы на любом светском мероприятии в мире.

Другой был одет в забрызганные грязью джинсы и мокрую куртку. Грязная вода стекала с его ботинок на пол. Казалось, его протащили через кусты можжевельника задом наперед. Даже в тусклом свете

мерцающих свечей он выглядел нервным и суетливым. Жалким.

Официант, подойдя к их столику, подал им двух птиц в медных горшках, в которых они жарились.

— Думаю, тебе понравится, — сказал мужчина в костюме. — Это певчая птица под названием ортоланская овсянка. Шеф Жегадо лично привезла их из Парижа и меньше пятнадцати минут назад утопила в бренди...

Его спутник уставился на птицу размером в палец, истекающую собственным жиром, и отвел глаза.

— Что значит утопила?

— Сделала так, чтобы бренди попал им в легкие.

— Это варварство.

Мужчина в костюме улыбнулся. Он слышал об этом, еще когда работал во Франции.

— Что ж, мы бросаем живых лобстеров в кипящую воду. Вырываем клешни живым крабам. Насильно раскармливаем гусей на фуа-гра. Каждый кусочек изысканного блюда полон страданий, верно?

— И противоречит закону, — продолжал гнуть свою линию мужчина в джинсах.

— У всех нас проблемы с законом. Твои, думаю, даже серьезнее моих. Ладно, хочешь — ешь птицу, не хочешь — не ешь, но если все же решишься, делай как я. Это создаст шатер аромата, а заодно скроет от Бога твое обжорство. — Мужчина в костюме накрылся накрахмаленной белой салфеткой и сунул птицу в рот, оставив снаружи только голову. Сжал тельце зубами, и она упала на тарелку.

Ортолан был обжигаяюще горяч. С минуту мужчина в костюме лишь прижимал его к языку и делал маленькие быстрые вдохи, чтобы охладиться. Вкусный жир начал таять в горле, и он благодарно вздохнул.

Прошло шесть лет с тех пор, как он мог позволить себе такой роскошный обед. Он прожевал птицу. Его рот наполнился жиром, кишками, костями и кровью — настоящий взрыв ощущений! Сладкая мякоть и горькие внутренности были великолепны. От жира, покрывшего нёбо, захватывало дух. Острые кости пронзили его десны, и его собственная кровь приправила мясо.

Это было ошеломляюще.

Наконец его зубы проникли в легкие ортолана, и он ощутил восхитительный вкус арманьяка.

Мужчина в джинсах даже не притронулся к птице. Он не мог видеть лица мужчины в костюме, накрытого салфеткой, но слышал хруст костей и вздохи удовольствия.

Чтобы расправиться с птицей, у мужчины в костюме ушло пятнадцать минут. Сняв с лица салфетку, он вытер кровь, стекавшую по подбородку, и улыбнулся своему компаньону.

Потом мужчина в мокрых джинсах долго говорил, а мужчина в костюме слушал. Спустя некоторое время, впервые за вечер, мужчина в костюме выказал намек на раздражение. Страх отразился на его совершенно спокойном лице.

— Это интересная история, — заметил мужчина в костюме. — Но увы, боюсь, продолжать ее мы не можем. Кажется, к нам присоединились и другие.

Мужчина в мокрых джинсах обернулся. У двери стоял человек в простой, непримечательной одежде, а рядом — полицейский в форме.

— Совсем близко. — Мужчина в костюме покачал головой и сделал им знак подойти еще ближе. Офицер в штатском подошел к столу.

— Сэр, не могли бы вы пройти с нами?

Глаза мужчины в джинсах забегали, он явно искал выход. Официант и шеф-повар ушли в кухню, чтобы помешать ему сбежать.

Офицер в форме сжал в руке дубинку.

— Не делайте глупостей, сэр, — предупредил офицер в штатском.

— Слишком поздно! — прорычал мужчина в джинсах и, схватив за горлышко полупустую бутылку вина, выставил ее перед собой, как оружие. Вино потекло на еще мокрую куртку.

Это было мексиканское противостояние.

Мужчина в костюме наблюдал за происходящим, и улыбка не сходила с его лица.

— Вы должны позволить мне все объяснить! — прошипел мужчина в джинсах.

— Завтра у вас будет шанс, — отрезал офицер в штатском. Полицейский в униформе двинулся влево.

Дверь кухни открылась, вошел официант, неся устриц на большом металлическом блюде. Увидев, что происходит, он от испуга уронил его. Кубики льда и моллюски рассыпались по выложенному плиткой полу.

То что нужно, чтобы отвлечь внимание. Офицер в форме притих, офицер в штатском разошелся.

Майкл Крэйвен

Удар дубинки сбил жертву с ног, офицер в штатском с силой заехал ему в челюсть.

Мужчина в джинсах упал. Офицер в форме опустился на колени, ткнул его головой в каменный пол и надел на него наручники.

— Вашингтон По, — сказал офицер в штатском, — я арестовываю вас по подозрению в убийстве. Вы не обязаны ничего говорить, но если вы не упомянете на допросе что-то, на что позже решите сослаться в суде, это может навредить вашей защите. Все, что вы скажете, может быть представлено в качестве доказательства.